

От т. Ежова

42
187

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

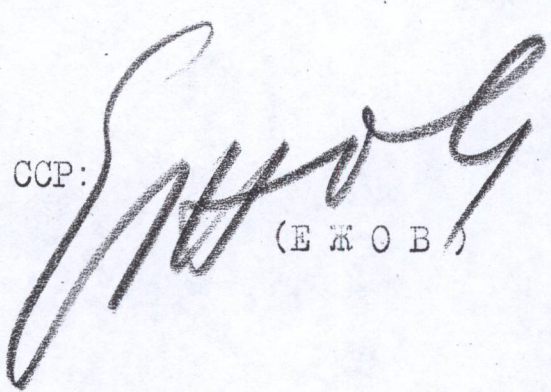
СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ.

Направляю Вам заявление арестованного нами участника троцкистско-зиновьевской террористической организации ШАЦКИНА Л.А. от 22-го октября 1936 г.

Изложенный в заявлении ШАЦКИНА Л.А. факт неправильного ведения следствия и угроз со стороны следователей не соответствует действительности.-

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР:

(ЕЖОВ)

4
"восемь"
"октября 1936 г.

№ 58482

ПРОКУРОРУ С С С Р, ВЫШНОКОМУ.

Копия: ЦК ВКП(б), СТАЛИНУ и ЕЖОВУ.

Хотя я с 2-го октября требую предоставления мне возможности вручить прокурору подробное письменное заявление о неправильном ведении следствия по моему делу, мне лишь сегодня дали этот клочек бумаги, на котором я могу лишь в совершенно недостаточной степени обосновать свою жалобу.

Мне пред"явлено тягчайшее обвинение в причастности к троцкистско-зиновьевскому террористическому заговору, в чем я неповинен. Не оспаривая законности подозрений следствия и понимая, что следствие не может мне верить на слово, я все же считаю, что следствие должно тщательно и объективно проверить имеющиеся - по словам следствия - соответствующие показания. Тем более, что этим показаниям противоречит ряд фактов, которых не отрицает и следствие, а именно: троцкисты и зиновьевцы не информировали нас "леваков" о летних переговорах между ними (ЕВДОКИМОВЫМ, ИРАЧКОВСКИМ и др.) о терроре, мы не участвовали в заседании, на котором обсуждались практические планы террора, равно как не принимали участия в органах созданных для его практического осуществления, мы в октябре 1932 г. (буквально через несколько недель после того, как якобы приняли в сентябрьских переговорах с КАМЕНЕВЫМ террор как базу блока) внесли предложение о совместной подаче в ЦК открытого протеста против его политики, после чего не имели уже никакого отношения к троцкистско-зиновьевскому центру и т.д.

Фактически следствие лишило меня элементарнейших возможностей опровержения ложных показаний. Лейт-мотив следствия: "Мы вас заставим признаться в терроре, а опровергать будете на том свете!" Я до сих пор не могу добиться ознакомления с решающими для выяснения моих отношений с блоком показаниями КАМЕНЕВА и ЕВДОКИМОВА о переговорах, которые они якобы вели со мной о терроре. Я десятки раз просил очной ставки с КАМЕНЕВЫМ, ЕВДОКИМОВЫМ, ТЕРОМ, САФОНОВОЙ, ЗИНОВЬЕВЫМ и СМИРНОВЫМ и не получил ни одной (за недостатком места я не могу здесь мотивировать этой просьбы).

Наконец, 26 сентября, меня ознакомили с двумя отрывками показаний СТЭНА от 20 сентября по вопросу о терроре, по поводу которых я категорически заявляю: либо соответствующие следователи знают, что эти показания представляют фантастические измышления, либо они при сколько-нибудь нормальных условиях следствия ^{легко} могут это установить, но не делают этого. В том и другом случае они фактически вводят в заблуждение ЦК, под непосредственным наблюдением которого, по словам следствия, ведется мое дело. До сих пор записаны лишь, и к тому же неполно, мои показания по поводу одного из этих отрывков. 26 сентября я просил очной ставки со всеми лицами, упоминаемыми СТЭНОМ в связи с вопросом о терроре, в первую очередь со СТЭНОМ, ЧАПЛИНЫМ и РЕЗНИКОМ, однако до сих пор не получил ни одной. Я не могу здесь подробно касаться существа показаний СТЭНА, но нетрудно доказать (не моими голословными заявлениями, а фактами, которые могут быть проверены), что я, РЕЗНИК и ЛОМИНАДЗЕ организационно порвали со СТЭНОМ еще до решающих перегово-

ров с ТЕРОМ и КАМЕНЕВЫМ, что о переговорах с КАМЕНЕВЫМ (о чем он упоминаем в своих показаниях) СТЭН вообще ни при каких условиях не мог знать, что собраний в таком составе, о котором он рассказывает, вообще никогда не происходило и т.д., короче говоря, что все показания СТЭНА о терроризме "левацкой" группы ложны от первого до последнего слова.

Все дело, однако, заключается в неправильных методах следствия, которые привели к появлению ложных показаний и невозможности их опровергать. Я не знаю, как допрашивали СТЭНА. Но вот как допрашивали меня: главный мой следователь ГЕНДИН составил текст моего признания в терроре на четырех страницах (при чем включил в него разговоры между мной и Ломинадзе, о которых у него никаких, в том числе и ложных, данных быть не может). В случае отказа подписать это признание мне угрожали: расстрелом без суда или после пятнадцатиминутной формальной процедуры заседания Военной Коллегии в кабинете следователя, во время которой я должен буду ограничиваться только односложными ответами "да" и "нет"; организованным избиением в уголовной камере Бутырской тюрьмы; применением пыток; ссылкой матери и сестры в Колымский край. Два раза мне не давали спать по ночам "пока не подпишешь", при чем во время одного сплошного двенадцатичасового допроса (ночью) следователь УЛЬРИХ командовал: "встать! очки снять!" и размахивал кулаками перед моим лицом, "встать! ручку взять! подписать!" и т.д. Я отнюдь не для того привожу эти факты, чтобы протестовать против них с точки зрения абстрактного гуманизма, а хочу лишь сказать, что такие приемы после нескольких десятков

допросов, большая часть которых посвящена ругательствам, человека могут довести до такого состояния, при котором могут возникнуть ложные показания.

Важнее, однако, другое: следователь требует признания имени партии и в интересах партии. При чем если в одних случаях он утверждал, что все в этом тексте правда, то в других случаях, в ответ на мои заявления, что мне все это неизвестно, отвечал: "Поймите, что никому не интересно, знали ли вы это или нет". На мой прямой вопрос: "Должен ли я подписывать эти показания, если я действительно ничего не знал о терроре?" - я получил прямой ответ: "Да, в интересах партии вы должны это сделать".

Возможно, что со СТАНОМ дело обстояло несколько иначе, возможно, что решающее значение для него имел тот факт, что он действительно, как утверждает следователь, имел какой-то разговор с ЗИНОВЬЕВЫМ о терроре и, чувствуя свою виновность, надеется своими "разоблачениями" спасти свою жизнь и сделать возможным свое примирение с партией. Ясно одно: ложные показания возникли в результате неправильного ведения следствия.

Поэтому я настоятельно прошу назначить авторитетную и беспристрастную проверку следствия по моему делу (и вообще по делу об обвинении "левацкой" группы в терроре). Прошу также (по причинам, для обоснования которых у меня уже не хватает места) перед судом передпросить меня по всем моим показаниям в прокуратуре (особенно о роли кавказцев в 1930 г.) и вызвать на суд в качестве свидетелей всех троц-

кистов, зиновьевцев и "леваков", которых я упоминал выше. Если моя настоящая просьба о проверке следствия покажется вам недостаточно убедительной, прошу предоставить мне возможность - письменно или устно мотивировать ее более подробно.

22 октября 1936 г. Л. ШАЦКИН.

В е р н о:

Шацкий